

Прусова М.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ МОТИВА ЗАЩИТЫ «ВЕЧНОГО ДОМА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

С приходом смерти происходит сакральное разделение души и плоти. Так трактует смерть христианство: «Смерть – разлучение души с телом, соединенных волею Божией, и волею Божиею паки разделяемых» (3, с. 70).

Кладбище в традициях любого народа – место особенное. Здесь человек завершает свой земной путь и вступает в иную жизнь, другой мир. Человеку, как существу слабому, свойственно стремление быть под опекой, обеспечить себе защиту на всех уровнях, вплоть до самого высокого покровителя – творца мироздания. Не случайно захоронения «у святых», то есть вблизи останков мучеников, появляются в эпоху Средневековья, когда в сознании человека укоренился страх перед Страшным судом и вечными муками, и это представление вытеснило радужную надежду на загробный блаженный сон, существовавшую в античные времена и у язычников, и у ранних христиан. И человек попытался «расположить» к себе того, кто духовно был выше и сильнее его. Чуть позже церковь заменила собой святого, стали хоронить «при церкви», то есть в церкви или рядом с ней (в зависимости от благосостояния умершего). Принцип покровительства оставался неизменным. В покровительстве же нуждалась не одна душа, но и телесные останки, ибо христианское вероучение обещало воскресение плоти в день Страшного суда. Поэтому сама могила как последнее земное жилище человека должна быть оберегаема. Кладбище обособилось в церковной ограде, в центре города. Следствием этого стало превращение кладбища в центр публичной жизни: кладбище служило форумом, рыночной площадью, местом прогулок и встреч, игр и свиданий. «Средневековые авторы подчеркивают публичный характер современных им кладбищ, противопоставляя их «уединенным местам», где хоронили своих мертвецов древние язычники» (1, с. 88). Передав однажды тело под защиту святого (церкви), родственники умершего слагали с себя всякую ответственность; они скорее оберегали себя, надеясь, что забота о покойном будет занесена в их личную «копилку» добрых дел.

Когда же, наконец, жизнь вновь (как в античные времена) разъединили со смертью: в XVII - XVIII вв. (во Франции с XVI века) кладбища опять стали переносить за город (правда, сделано это было в целях гигиены, а не из уважения к усопшим), – произошел разрыв многовекового единства церкви и кладбища. В итоге кладбища были оставлены на произвол судьбы. Церковь их более не опекала, а родственники игнорировали. Яркой иллюстрацией равнодушия живых к мертвым может служить следующий факт: во Франции до декрета Наполеона (1811 год) в течение почти 30 лет захоронениями занимались наемные носильщики, при полном отсутствии контроля со стороны родственников. Это объяснялось не особым доверием близких усопшего к могильщикам, а полным безразличием к самим трупам, ибо плоть после смерти обращалась в ничто, в пыль. Ж.Жиран в памятной записки «О могилах и влиянии похоронных установлений на нравы» винит церковь, которая повернула древний культ мертвых к заботе о бессмертной душе, тело же умершего бросив на свалку. Это и привело, по мнению Ж.Жирана, к столь позорному состоянию кладбищ во Франции 1800 года. «Вину за подобную деградацию погребального обряда современники возлагали на революцию и прежде всего на эпоху якобинского террора, подорвавшего чувство благоговейного почтения к умершим» (1, с.411). Но не лучше и то, продолжает Ж.Жиран, что на руинах завладевает общественными нравами материализм. Мертвое тело становится объектом изучения (анатомический театр XVII - XVIII веков) и даже объектом вождения (некрофилия в готических романах).

Меланхолический и торжественный одновременно образ старого кладбища ввел в литературу (сначала сентиментального, а затем и романтического направления) Томас Грей. Англия не случайно становится родиной элегий – поэм в честь усопшего, печатавшихся на отдельном листке. В отличие от французского кладбища английский churchyard не был покинут высшими слоями общества, а ведь именно эта часть общества создавала литературу и формировала эстетические вкусы. Первоначально элегии применялись в весьма ограниченной области: их читали и слушали на похоронах. «Это было нечто вроде развернутой эпитафии и надгробного слова одновременно» (1, с. 427). «Элегия» Томаса Грея положила начало литературной традиции: воспевание, с оттенком легкой грусти, старого кладбища под открытым небом. Поэзия привлекает внимание общества к проблеме «кладбища». Человек уже не хочет быть похороненным в общей могиле, ему претит и безымянность; он хочет, чтобы над его могилой пролил слезу близкий человек. Вероятно, в немалой степени такому повороту сознания способствовал романтический культ индивидуальности. Появление небольших усадебных некрополей, наряду с общественными кладбищами, свидетельствовало о существенных сдвигах в общественном сознании: ответственность и забота об охране могилы и памяти об умершем становятся личным делом. Однако это не означает, что принцип покровительства со стороны высших сил исчез. Русская «кладбищенская» поэзия первой половины XIX века передает функцию защиты в руки природы.

В первую очередь следует отметить мотив обособления могилы (и особенно могилы великого человека) от мира людей и земной жизни. Несомненно лидирует по количеству поэтических изображений могила Наполеона. Все, что связано с его личностью, противоречивой и трагической, вызывало жгучий интерес, и общественный, и литературный, и в том числе, конечно, обстоятельства, сопутствующие его смерти. Могила великого Наполеона, «перед кем все трепетало», на острове Св. Елены, в представлении В. А. Жуковского, утопает в беспредельности:

Вкруг скалы – морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.
«Бородинская годовщина»

Пушкин в 1821 году, узнав о смерти Наполеона, также воображает «великолепную могилу» «среди пустынных волн» («Наполеон»). Захоронение Наполеона на острове Св. Елены не соответствовало этим описаниям. «Могила была незаметной точкой на необитаемом плато острова, в трех милях от берега; океан с этого места не виден» (10, с.

63). Таким образом, и А.С.Пушкин, и В.А.Жуковский изобразили идеальное, в их представлении, расположение гробницы великого человека, а не то, что было в действительности.

Два эти описания объединяет существенная деталь – обособленность последнего земного приюта Наполеона. У В.А.Жуковского к «далекой скале» «путь загражден». У А.С.Пушкина Наполеон спит сном вечности, окруженный пустынными волнами и «приосененный» своей славой. И в том и в другом случае налицо мотив защиты, покровительства со стороны природы. М.Ю.Лермонтов верен традиционному представлению о месте последнего приюта великого человека – на удаленном от людей и «злой земли» острове, среди волн. В стихотворении «Последнее новоселье», написанном в год гибели поэта в связи с известием о перезахоронении Наполеона 15 декабря 1840 года, слышится явная досада и негодование: «толпа, дрожавшая пред ним» одержала верх. Место первого захоронения Наполеона на острове Св. Елены было выбрано людьми, а покровительство ему оказывали силы природы: «Сын моря, средь морей твоя могила!» («Св. Елена», 1830). Теперь «ветренное племя» решилось потревожить тишину и покой уединенного места, оберегаемого природой:

Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!»

«Последнее новоселье»(1841)

Те же компоненты – уединенность, горы, море – составляют «кладбищенский» пейзаж в стихотворении М.Ю.Лермонтова «Памяти А. И. О<доевско>го»(1839):

И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая
(8, 183).

Защита со стороны природы, помимо недоступности места погребения, осуществляется деревьями, создающими тень. Глубокий анализ полисемантического слова «сень» дан в работе М.Ф.Мурьянова «Пушкинские эпитафии». «Сень (тьень) – емкий символ, включающий в себя и понятие смутности, неуловимости, и характерную особенно для южных культур идею защиты от палящего зноя, вообще идею покровительства. В Ветхом завете читаем: *Господь ...тенью руки своей покрывал меня* (Исаия 49, 1-2)» (10, с. 62). Размышляя над смыслом, заложенным Пушкиным в слово «приосенен», исследователь выбирает значение, противоположное тому, какое обозначено в «Словаре языка Пушкина» наречием «слегка», а именно: префикс прѢ, по мнению М.Ф.Мурьянова, усиливает значение интенсивности сени. Поэтому «Наполеонова слава грандиозна, но Пушкину видится, что она не освещает, а приосеняет *великолепную могилу*» (10, с. 67). То есть слава выполняет функцию защиты.

Почти нет описаний деревьев на кладбище у К.Ф.Рылеева (просто «курган», «холм» и т. д.), но функцию защиты выполняет сама могила. (Ср. название могилы «мирной сенью» у К.Ф.Рылеева: «Одна, одна лишь смерть гоненья прекратит, // И, успокоясь в мирной сени, // Дань должной похвалы возьмет с потомства гений» – «Послание к Н.И.Гнедичу», 1821). В «Сельском кладбище» (1802) В.А.Жуковского мертвые защищены даже дважды: «спокойно спят *под сенью гробовую*» и скромный памятник спрятан «*в приюте сосн густых*» (курсив мой – М. П.). Следует отметить, что обетованная страна – место встречи душ – представляется Баратынскому «сладостной тенью невянувших дубров» («Я посетил тебя, пленительная сень»).

Способ защиты сенью (тенью) деревьев, конечно, самый распространенный, и прежде всего потому, что это деталь реального пейзажа: на кладбище сажают деревья. И не только на кладбище, но и вокруг памятников, мемориалов. Так, В.А.Жуковский описывает памятник Павлу I в Павловске («Славянка», 1815) как храм под бездонным небом, скрытый земным сводом из деревьев.

Часто описания принимают вид зарисовок с натуры: могилу осеняют растущие в данном месте деревья, хотя и в этом случае деревья, склонившиеся над могилой, – посланники смерти, охраняющие порядок загробного мира. Именно принцип покровительства подсказывает Н.М.Языкову эпитет: «гробовыми» названы сосны, склонившиеся «широким пологом» над могилой друга («Памяти А.Д. Маркова», 1829).

В сознании Пушкина представление о правильном захоронении прочно связывается с деревом над могилой. Известный художник Н.Кузьмин, создатель иллюстраций многих произведений русской классики, описывает парк, сохранившийся от прежней усадьбы подмосковного села Захарова, где прошло детство Пушкина (до его поступления в Лицей): старые липы и березы, на берегу пруда – могучая сосна, которая, возможно, помнит Пушкина. Сюда поэт приезжал перед своей женитьбой в 1830 году побродить по местам детства, виделся с дочерью Арины Родионовны. В селе Вяземы, в двух верстах от Захарова, был похоронен Николай, пятилетний брат поэта. Н.Кузьмин приводит следующий любопытный факт: «Существует рассказ, что в отрочестве Пушкин выразил желание быть здесь похороненным под одной из берез (может быть, под впечатлением похорон маленького братца). Говорил он это крепостному повару своей бабушки, с которым водил дружбу» (7, с. 144).

У К.Н.Батюшкова в роли охранителей покоя мертвых выступают березы («Приблизьтесь, музы, и цветами // Почтите хладный прах его», 1810). У В.А.Жуковского в «Сельском кладбище» (1802) мертвые спят «под кровом черных сосн и вязов». В варианте элегии 1839 года – (второй перевод из Грея) – «под навесом нагнувшихся вязов, под

свежей тенью ив». В другом случае «под тенью тополей ветвистых, берез, дубов и шелковиц, между тюльпанов, роз душистых ряды являются гробниц» (описание кладбища Сарепты – приволжской колонии евангелистов) (В.А.Жуковский, «К Воейкову», 1814). Наконец, это может быть «тень шиповников зеленых» («Путешественник и поселенка», 1819).

Элегическое предположение преждевременной кончины поэта завершается описанием его могилы. Для В.А.Жуковского это место, где «сенистые клены сплетают из ветвей покров гостеприимный» («К Б<лудов>у», 1810). Под кустарником приютилась могила ут пленника, удаленная от кладбища, одинокая, но защищенная (В.А.Жуковский, «Тленность», 1816). Во всех приведенных описаниях деревья – черта реального русского пейзажа и охранители покоя мертвых.

У В.А.Жуковского часто встречается безымянное употребление деревьев. В этом случае поэт акцентирует функцию защиты: слово «дерево» используется в сочетании со словом «тень» (как и в тех случаях, когда он дает конкретные названия деревьев). «В тени дерев над чистыми водами» «дерновый холм» могилы поэта («Певец», 1811), луна «наводит» на кресты сельского кладбища «тени гладкие дерев» («Подробный отчет о луне», 1820).

Значение защиты, безусловно, само по себе очень важно. Глазу русского человека привычен степной ландшафт, он выражает суть русского характера – широту души, но, с другой стороны, бескрайность вызывает чувство беспомощности и желание заполнить пустое пространство. Н.Я.Данилевский, излагая свою философскую теорию, бессознательно выражает особенности мировоззрения русского человека и склад характера. Исторический процесс видится философу безграничным и пустым полем, которое народы призваны заполнить следами своего пребывания. «Прогресс состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях...» (5, с. 73). Так представляет себе гармонию мироздания русский мыслитель. Позднее А.П.Чехов в рассказе «Шампанское» опишет, с какой чудовищной силой наступает степь на душу: «На меня, уроженца севера, степь действовала, как вид заброшенного татарского кладбища. Летом она со своим торжественным покоем – этот монотонный треск кузнечиков, прозрачный лунный свет, от которого никуда не спрячешься, – наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, длинные ночи и волчий вой давили меня тяжелым кошмаром» (13, с. 131). Видимо, подобные эмоции переживает каждый русский человек при виде степи: с одной стороны, степь – привычный пейзаж, но, с другой стороны, привыкнуть к беспредельности нельзя, как невозможно постоянно видеть перед глазами вечность. Впрочем, не у всех поэтов первой половины XIX века степь вызывает неприятные чувства. В.А.Жуковский, например, считает идеальным последний приют храброго Кутайсова в степи, потому что:

Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней
«Певец во стане русских воинов» (1812)

В.А.Жуковский считает простор – одним из обязательных условий захоронения. Это не просто его литературный стиль, а жизненное убеждение. Узнав о смерти Н.М.Карамзина, В.А.Жуковский пишет А.И.Тургеневу: «Где он погребен? На кладбище или в церкви? Если на кладбище, то надобно купить поболее места около гроба» (6, т. 3, с. 443-444). Поэт любил посещать кладбища, рисовал их. Для него сентиментальная грусть – не просто дань поэтической традиции. Вот список картин, которые он хочет приобрести у немецкого художника Фридриха: еврейская могила на равнине при заходе солнца; христианская могила: мать у гробницы своего ребенка; крест водружен на утесе (4, с. 255).

Степной пейзаж не только не угнетает, но вдохновляет Лермонтова: степь и небо – это его храм («Отрывок», 1830; «1831-го июня 11 дня», 1830). Приверженность пустыне, степи, т.е. открытому ландшафту, – свидетельство глубины религиозного чувства: в этом случае степь воспринимается как земное воплощение вечности. Поэтому именно В.А.Жуковский и М.Ю.Лермонтов любят степь: она безгранична и таинственна, как небо, на которое религиозный человек взирает с надеждой. Стремление к простору с одной стороны и романтический мотив защиты с другой вступают в противоречие. Характерно, что именно у Лермонтова описано захоронение, которое расположено «в *лесу пустынном* (курсив мой – М.П.) *среди поляны*». Описание вполне традиционной «модели» могилы великих людей (место уединенное, но не лишенное природной защиты) завершается надеждой на то, что место это не будет забыто людьми («И добрый человек, быть может, // На диком камне отдохнет») (8, 81). Открытое место многократно усиливает ощущение оставленности его людьми и природой. В этой связи характеристика «былого», которое «вьогой зла занесено, // Как снегом крест в степи забытый!» («Стансы», 1830) – тревожный знак. И тем не менее пустынное место, степь приковывают к себе поэтический взгляд М.Ю.Лермонтова как обещание будущего вечного блаженства.

Все же, как правило, степь, в отличие, скажем, от рощи, леса, в поэзии этого периода психологически давит. Может быть, желание спрятаться от безграничности и однообразия – это свойство русской души. Ведь степь – вся на виду, в ней нет манящей загадочности, поэтому Н.М.Языков и говорит о «скучной степи бытия» («Слава Богу», 1824). А смерть неизменно слита с таинственностью, ее сакральный смысл непонят, а потому все связанное с темой смерти несет печать загадки. В любом случае степь – не лучшее место для кладбища. Пленник у Пушкина горюет по этому поводу:

Умру вдали брегов желанных;
Мне будет гробом эта степь...
«Кавказский пленник» (1820-1821).

В другом незаконченном отрывке, 1822 года, Пушкин, описывая захоронение в московском монастыре, окружит его лесом: «Кругом простерлись по холмам // Вовек не рубленные рощи» (11, т. 2, с. 132), эта естественная защита позволяет спокойно почивать «святым мощам» угодника. (Следует отметить, что этот отрывок – подражание посла-

нию К.Н.Батюшкова «К Дашкову» (1813): «И там, где с миром почивали // Останки иноков святых, // И мимо веки протекали, // Святыни не касаясь их...» (2, с. 57). В пушкинском варианте залогом вечного покоя является пышная растительность на месте погребения святых).

Приведенные выше случаи описаний захоронений позволяют прийти к выводу: для А.С.Пушкина мотив защиты, «спрятанности» места захоронения крайне важен. Будь то океан, который своими волнами оберегает остров с могилой Наполеона, или дерева (дерево), склонившиеся над надгробием, но «вечный дом» не должен находиться на открытом месте. Ощущение неприютности могилы старого зрителя у А.С.Пушкина вызвано незащищенностью («голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом»). Согласно пушкинскому представлению, незавидна участь французов, погибших на русской земле: их последним жилищем станет голая степь:

Но долгоден сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

«Бородинская годовщина» (1831).

Этот же сюжет использован Н.М.Языковым:

Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!

.....

Безобразно полегли вы

На холодных пустырях!

«Д. В. Давыдову» (1835)

Становится понятной идея незавершенного замысла А.С.Пушкина 1834 года: заброшенное кладбище, незащищенное, обдуваемое всеми ветрами, представляет грустную картину.

Стою печален на кладбище.

Гляжу кругом – обнажено

Святое смерти пепелище

И степью лишь окружено.

.....

Одна равнина справа, слева.

Ни речки, ни холма, ни древа.

Кой-где чуть видятся кусты.

Немые камни и могилы

И деревянные кресты

Однообразны и унылы.

(11, т. 3, с. 262)

В этом смысле одинокая могила бедного Ленского лучше защищена по сравнению с могилой Самсона Вырина («Станционный смотритель»): ее оберегает «липовый лесок». Все это дает основание заключить, что не имеет большого значения, какое именно дерево упоминается, важно его наличие. Только дерево смерти – анчар, растет в пустыне одно, ему никто не нужен, и его покровительства избегают и птица, и тигр.

Полисемантичность некоторых кладбищенских растений определяется рядом других (помимо обязательной функции оберега) значений. Обычно это античная символика, но обогащенная символами христианства. Так, растения на кладбище – не просто «траурные» деревья, но залог покоя мертвых и будущего воскресения.

Следует оговориться, что не всегда поэтический образ дерева наделен значением защиты последнего земного жилища человека. Растения в поэзии К.Ф.Рылеева выполняют часто только эстетическую функцию, как например, розы и незабудки в стихотворении «В сей долине вечных слез», <1820>. Хотя мотив природного покровительства разрабатывался поэтом: «унылый кипарис» «шумной ветвию навис» над памятником любимой («В сей долине вечных слез» <1820>).

В «кладбищенской» поэзии К.Ф.Рылеева заметно сказывается языческое понимание смерти: прах сливается с природой и растворяется в ее красоте. Вообще К.Ф.Рылееву в современной ему действительности явно не хватало героизма и красоты античной эпохи. Он будто опоздал родиться. Оставив в стороне художественные достоинства его творчества, увидим, что на концептуальном уровне он расходился с большинством романтиков. И.Н.Розанов отмечает странность обращения К.Ф.Рылеева к непопулярному литературному виду: ни до, ни после него никто из заметных поэтов не связал своего творчества с «думами». «Роднить их можно с историческими элегиями Батюшкова, элегией «Миних» Плетнева и т. д., но тон другой: там в основе лежит сознание тщеты всего земного, здесь преклонение перед героизмом» (12, с. 126).

Для большинства поэтов - романтиков характерен православный взгляд на могилу как на «вечный дом», поэтому их прежде всего интересует символический смысл, заложенный в любом предмете или явлении, связанном с кладбищем.

Для выражения скорби, причем скорби красивой и торжественной, служат вечнозеленые хвойные растения. «С можжевельником (так же как с кедром и кипарисом) устойчиво связывается символика смерти и ее преодоления как начала вечной жизни» (9, т. 2, с. 164). Известны поверья, согласно которым в можжевельнике живет злой дух или черт; поверья о том, что можжевельник растет в святом лесу и что в нем живут боги. Русская поэтическая традиция использовала вечнозеленое растение только как дерево траура, т.е. как воплощение скорби. Кипарис выполняет функцию дерева смерти в поэзии К.Н.Батюшкова («На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина», 1811; «На смерть И. И. Пнина», 1805), К.Ф.Рылеева («Луна», 1814; «В долине вечных слез», <1820>). Ту же символику у Е.А.Баратынского

выражает можжевельник, оберегающий могилу Эды: пусто, тихо, и можжевельник принимает на себя порывы ветра («Эда», 1826).

П.А.Вяземский вносит стилистическое разнообразие: использует кипарис как символ траура, но оригинально обыгрывает эту деталь:

Обвей свою ты кипарисом лиру,

Тиртей славян!

«К Тиртею славян» (1813)

Позднее – та же форма:

И сколько лир висит безгласных

На кипарисах молодых.

«Смерть жатву жизни косит, косит...»(1840)

А в 1835 году Вяземский отождествит себя с траурным деревом:

Я кипарис угрюмый и унылый,

Воспитанный летами и грозой.

«Роза и кипарис» (1835)

У А.С.Пушкина кипарис в связи с темой смерти не встречается нигде, возможно, ввиду банальности. Только два растения из ряда охранителей покоя некрополя (при этом весьма нетипичные) выбраны А.С.Пушкиным для передачи глубинного смысла смерти: это ива и дуб.

Ива становится деревом траура, т.е. наделяется значением, которое в литературе традиционно закреплено за кипарисом. В понятие этого дерева заложен сложный комплекс значений, нередко противоположных. «Она может выступать в функции мирового древа или древа жизни и символизировать долголетие и обилие жизни» (9, т. 1, с. 370). С другой стороны, «комплекс отрицательной семантики включает такие символы, как несчастье и невежество (у древних евреев), печаль, грусть, смерть, похороны (ср. образ плакучей ивы в фольклоре и поэзии). В Древней Греции ива посвящалась женским божествам, так или иначе связанным с идеей смерти (Геката, Кирка, Персефона)» (9, т. 1, с. 370). У А.С.Пушкина ива встречается дважды. В «Песнях западных славян» вурдалак просит похоронить себя под зеленой ивой на «кладбище родовом». Вероятно, это употребление восходит к фольклорной традиции плакучей ивы, которая должна расти на «кладбище родовом», и никак не связано с символами зла и несчастья, заключенными в образе вурдалака, поскольку с ивой связывались грусть, слезы, горе, но никогда – зло. Даже напротив: в европейской народной традиции иве приписывались чары против луны и ведьм.

Во втором случае А.С.Пушкин закрепляет за образом ивы семантику защиты, печали, скорби:

А между тем под сенью темных ив

У гроба матери колена преклонив,

Там дева юная в печали безмятежной

Возводит к небу взор

Болезненный и нежный,

Одна, туманною луной озарена,

Как ангел горести является она...

«Безверие» (1817).

Возможно, та же фольклорная традиция плакучей ивы заставила В.А.Жуковского заменить сосну ивой во второй редакции «Сельского кладбища».

Дуб, охраняющий родовое кладбище в стихотворении Пушкина «Когда за городом задумчив я брожу...», – двойной символ: всеобщего кругооборота и бессмертия. Та же полисемантичность характерна для лермонтовского образа дуба: «Надо мной чтоб, вечно зеленея, // Темный дуб склонялся и шумел» («Выхожу один я на дорогу...», 1841). Дерево, которое корнями касается останков человека, а вершиной упирается в небо, куда устремляется душа, осуществляет связь миров, образующих вечность, то есть бессмертие.

Пантеистическое отождествление Бога и вселенной приводило к тому, что природные явления возводятся поэзией в ранг богов. Античный политеизм органично вписывается в пантеистическое мировидение, ведь даже функцию защиты «вечного дома», которую, начиная Средневековьем, человек возлагал на церковь и святых, русская поэзия первой половины XIX века передает природе.

Список литературы:

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. – М., 1992.
2. Батюшков К. Н. Избранные сочинения. – М., 1986.
3. Брянчанинов Игнатий, епископ. Слово о смерти. – М., 1991.
4. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – СПб., 1904.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – С.-Петербург., 1995.
6. Жуковский В. А. Сочинения. В 3-х т. – М., 1980.
7. Кузьмин Н. В. Давно и недавно. – М., 1982.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 2-х т. – М., 1988.
9. Мифы народов мира: В 2-х т. – М., 1988.
10. Мурьянов М. Ф. Пушкинские эпитафии. – М., 1995.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. – Л., 1979.
12. Розанов И. Н. Поэты двадцатых годов XIX века. – М., 1925.
13. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. – М., 1970.